

На правах рукописи

Миронов Арсений Станиславович

**АКСИОСФЕРА РУССКОГО ЭПОСА И ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР ЕГО ГЕРОЕВ
(КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
философских наук

Волгоград – 2021

Работа выполнена на кафедре культурологии в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный институт культуры» Министерства культуры РФ

Научный консультант **Черёмушникова Ирина Кабдрахимовна**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета

Официальные оппоненты: **Маслин Михаил Александрович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова

Казин Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Российского института истории искусств

Баркова Элеонора Владиленовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Защита состоится 4 марта 2022 года в 10:00 на заседании объединенного диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.145.03, созданного на базе Волгоградского государственного медицинского университета, Волгоградского государственного университета, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, по адресу: 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной научной библиотеке Волгоградского государственного медицинского университета.

Текст диссертации и автореферат диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»: <https://www.volgmed.ru> и сайте Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования определяется социально-политическими запросами, связанными с государственной культурной политикой современной России, а также актуальными проблемами развития научных исследований культуры. В условиях нарастания глобализационных процессов приоритетами Российской Федерации не только в сфере культуры, но и в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития¹ становятся сохранение национально-культурной идентичности, «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения»², использование ценностей исторического и культурного наследия для воспитания и образования.

Необходимым условием эффективной культурной трансмиссии ценностей и моделей поведения, их плодотворной инкультурации является выявление содержания аксиологических доминант традиционной народной культуры, в частности, реконструкция аксиосферы героического эпоса. Проведение научных исследований, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры, а также сохранение исторической памяти, названо в числе ключевых задач, сформулированных в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³. Между тем, учитывая масштабы России, необходимо признать, что в течение первых двух десятилетий XXI века состоялось крайне мало творческих проектов и культурно-просветительских, патриотических акций, тематически связанных с героическим эпосом русского народа. Отсутствует государственная политика в сфере актуализации эпического наследия русских⁴. Творческие элиты недооценивают былинные сюжеты и редко

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», С. 1-2, 34-38.

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики. С. 7.

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», С. 37, п. 11.

⁴ См., в частности: Стратегия государственной культурной политики на период до 2030. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р. [Электронный ресурс.] Режим доступа: [https://culture.gov.ru /documents/strategiya-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-do-2030-g-utverzhdjena-rasporyazheniem-pravitelstva-rf/](https://culture.gov.ru/documents/strategiya-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-do-2030-g-utverzhdjena-rasporyazheniem-pravitelstva-rf/)

обращаются к русскому национальному эпосу – в частности, потому, что в их понимании эта тема связана с грубым патриотическим пафосом, национализмом, ксенофобией, неоязычеством, этническим китчем. Как следствие, русский былинный эпос оказывается недооцененным в сфере культуры и в течение последних двух десятилетий подвергается диффамации, искусственной маргинализации, оставаясь востребованным преимущественно в нишевых форматах, связанных с пародией, китчем, а также с пропагандой маргинальных политических идеологий. В результате ценности, смыслы, характеры, образы и поведенческие модели русского героического эпоса не актуализированы ни средствами современного профессионального искусства, ни в сфере творческих индустрий, массовой культуры. Потенциал былинного эпоса не задействован образовательными учреждениями, не реализован в культурно-просветительской деятельности и в деле патриотического воспитания.

Научная актуальность данного диссертационного исследования во многом ввиду его полидисциплинарного характера определяется, во-первых, проблемой выявления ценностей русского былинного эпоса как взаимосвязанного единства для уточнения ряда глубинных и, возможно, уникальных черт народного менталитета, особенностей национального характера русских, признаков принадлежности их к определенной цивилизационной общности, и, во-вторых, возможностями применения авторской концепции аксиологического анализа по отношению к памятникам устной и письменной эпической поэзии других народов.

Выявление взаимосвязанного единства ценностей русского эпического сознания нацелено на уяснение характера русской культуры в целом, выявление глубинных причин явлений и процессов отечественной истории, повышение эффективности при решении актуальных задач государственной политики в сфере культуры, образования, социального развития, патриотического воспитания, поддержания связей с «русским миром» и др.

Именно культурфилософский анализ эпического нарратива позволяет восстановить ценностные основания былинной картины мира а также уточнить

систему аксиологических координат русской традиционной культуры как таковой. Сказанное тем более актуально, что реализация ценностей и связанных с ними поведенческих моделей, характерных для русского героического эпоса, в современной культуре затруднена рядом рецептивных шаблонов, исторически сложившихся в отечественной науке, педагогике и профессиональном искусстве. Эти искажения препятствуют полноценному доступу популяризаторов, педагогов, деятелей искусства к смыслам былин, к сокровищам былинной поэтики, хотя и то, и другое может быть чрезвычайно мощным источником вдохновения для практикующих деятелей культуры, а также эффективно использовано в современной педагогике, социокультурных проектах, политическом дискурсе. Корректное и полное описание былинной аксиологии позволит точнее определить ценностный код традиционной культуры русских, исторически заложившей основания для общей системы аксиологических координат единого культурного пространства взаимодействия и взаимного обогащения культур всех народов России.

Степень изученности проблемы. Проблема ценности привлекает внимание философов со времен Сократа, Эпикура, Протагора и Аристотеля, который видел задачу философии в «постижении умом вещей по природе наиболее ценных»⁵ и полагал что героическому, «величавому» человеку пристало умирать за нечто особенно ценное; свое понимание высших ценностей предложили Гераклит, Зенон Китийский, Панэтий Родосский, Сенека и др⁶. В христианскую эпоху на Западе схоластическая мысль исследовала с опорой на этику Аристотеля иерархическую субординацию благ условных и Блага безусловного⁷; в Новое время о ценностях писали Мишель Монтень, Томас Гоббс, Дж. Локк К. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро, Н. Кондорсе и др⁸. И. Кант

⁵ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 179.

⁶ См., в частности: Платон, Тезтет 152а, Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 179. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. (С новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. С. 189. Аванесов С.С. К истокам философского учения о ценности: аксиология стоицизма // Вестник ТГУ. 2004. № 282. С. 35.

⁷ Ценность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 321.

⁸ См., в частности: Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 66.

утверждал, что истинная ценность есть «сама по себе цель, а не средство» и «эта цель не может быть заменена никакой другой целью»⁹, тогда как относительные ценности связаны с субъективными целями индивида. В XIX веке ценности исследуют Р.Г. Лотце, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Людвиг фон Миезес, П. Лапи, Н. Гартман, М. Шелер, Г. Мюнстерберг, Дж. Лэрд и др.¹⁰; Ф. Ницше сделал попытку «переоценки всех ценностей»¹¹. В XX веке новые аспекты философской аксиологии обсуждались уже в связи с психологическими, филологическими, этнографическими изысканиями, интерес к ценностям проявили философы-экзистенциалисты и теологи, исследованием ценностей занимаются Дж.Э. Мур, Ж.-П. Сартр¹², М. Хайдеггер¹³, роль ценностей в социальных отношениях исследовали Э. Дюркгейм, М. Вебер¹⁴, Ф. Вернон, Ф. Знанецкий, Х. Кантрил, К. Клакхон, Г. Линдзи, Г. Олпорт, А. Кребер, Л. Терстоун, Г. Хофстед, У. Томас и Ф. Знанецкий, Т. Парсонс¹⁵, Р. Мертон¹⁶. Ценности исследуют антрополог Ф. Барт¹⁷; последователи «австрийской школы» Х. Эренфельс, И. Крейбиг и др., психологи А. Маслоу¹⁸, В. Франкл¹⁹ и др. М. Рокич предложил методiku на стыке социологической и психологической наук²⁰; согласно Н. Луману, ценности, обладающие статусом «бесспорности», то есть не находящиеся в конкурирующих отношениях с другими аксиологическими категориями, могут считаться абсолютными²¹.

Монтень М. Опыты. Избранные главы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 36.

⁹ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 269.

¹⁰ См., в частности: Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 122. Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 206. См., в частности: Перов В.Ю. Конфликт ценностей и ценность конфликта в этике Н. Гартмана // Horizon. 2019. № 8 (1). С. 231. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С.323 и далее. Ан С.А., Белинова О.А. Концептуализация ценности как философской категории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 1. С. 233. Laird J. The Idea of Value. Cambridge: Cambridge University Press, 1929. Pp. 321-322.

¹¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей // Ницше Ф. Сочинения: В 5 т. Т. 4. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 25.

¹² Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 324.

¹³ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 71.

¹⁴ См., в частности: Блохина М.В. Трансформация социально-политических ценностей в реформируемом обществе. Тверь: ТГТУ, 2005. С. 10.

¹⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 85.

¹⁶ Merton R. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968. P. 216.

¹⁷ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое изд-во, 2006. С. 11.

¹⁸ Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 138.

¹⁹ Франкл В. Воля к смыслу. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 131.

²⁰ Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. P. 5.

²¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 418.

Основы аксиосферы русской культуры исследовали славянофилы - братья Киреевские²², А.С. Хомяков²³, ценности византийско-славянской цивилизации - Н.Я. Данилевский²⁴ и К.Н.Леонтьев. «Абсолютные», «объективные», «идеальные» «высшие», «вечные» ценности изучали В.С.Соловьев²⁵, С.Л. Франк²⁶, Е.Н. Трубецкой²⁷; о ценностях, осуществленных в истории и культуре народа, писали Г.П. Федотов²⁸, о. Павел Флоренский²⁹. И.А.Ильин относил к ценностям духа его «дары»: дар бескорыстной любви и самоотверженного служения, дар свободы, дар очевидности, дар молитвы³⁰; Н.А.Бердяев утверждал, что «этика творчества есть прежде всего этика ценности»³¹. «Онтологическая аксиология» Н.О. Лосского предполагает разделение первичной абсолютной самоценности (Бога) и производных ценностей, приближающих к Богу или отдаляющих от Него³², при этом проблема ценностного выбора состоит в «опознании объективности ценностей и наличия абсолютных ценностей»³³. Из советских ученых обращались к проблематике ценностей В.А. Василенко и И.С. Нарский, Р.В. Петропавловский³⁴, В.П. Тугаринов³⁵, О.Г. Дробницкий³⁶. На рубеже XX-XXI веков аксиология развивается как самостоятельная философская дисциплина, свои работы публикуют Д.А. Леонтьев³⁷, М.С. Каган³⁸, А.С. Панарин³⁹, Г.П. Выжлецов⁴⁰, А.Г. Эфендиев⁴¹, М.Б. Туровский⁴². Ю.М. Смоленцев⁴³, И.И. Докучаев⁴⁴, П.И. Касаткин⁴⁵ и др.

²² Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 183.

²³ См., в частности: Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М.: Моск. филос. фонд; Медиум, 1994. С. 46.

²⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь; Изд-во СПГУ, 1995. С. 107.

²⁵ Аксиология // Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм-Книга, 2007. С. 14.

²⁶ Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. СПб.: М.И. Водовозова, 1900. С. 195.

²⁷ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 208.

²⁸ Федотов Г.П. Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № LVIII. С. 434.

²⁹ Флоренский П.А. [Автореферат] // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 37.

³⁰ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование в 2-х тт. Париж: [б. и.], 1953. Т. 1. Гл. 2.

³¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 122.

³² Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. С.119.

³³ Лосский Н.О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-Press, 1931. С. 134.

³⁴ См., в частности: Петропавловский Р.В. Что такое моральные ценности // Современная цивилизация и моральные ценности. М.: ИФАН, 1982.

³⁵ Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 11.

³⁶ См., в частности: Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды. М.: Гардарики, 2002; Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967.

³⁷ Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 22.

³⁸ Каган М.С. Философская теория ценности СПб.: Петрополис, 1997. С. 86.

³⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 7.

⁴⁰ Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 65.

Отдельные ценности русского героического эпоса исследовались в работах С.П. Шевырева, К.С. Аксакова, Л.Н. Майкова, О.Ф. Миллера, В.Ф. Миллера, А.Н. Веселовского, Ф.И. Буслаева, М.Г. Халанского, И.Н. Жданова, А.И. Кирпичникова, М.Н. Сперанского, М.Б. Соколова, М.О. Габель, В.М. Жирмунского, Р.О. Якобсона, Н.П. Андреева, Г.А. Левинтона, Э.В. Померанцевой, В.П. Адриановой-Перетц, Ю.И. Смирнова, В.Г. Смолицкого, Д.С. Лихачева, М.М. Плисецкого, В.Г. Мирзоева и других ученых⁴⁶

Основные итоги изучения русского былинного эпоса неоднократно подводились, суммировались и подвергались анализу в фундаментальных исследованиях, предпринятых отечественными учеными, — мы имеем в виду

⁴¹ Эфендиев А.Г. Культура // Основы социологии: Курс лекций. М.: О-во «Знание» России, 1994. С. 140.

⁴² Туровский М.Б. Философские основания культурологии. М.: Росспэн, 1997. С. 134.

⁴³ Смоленцев Ю.М. Гуманизм как принцип культуры // Актуальные проблемы культуры XX в. М.: Правл. о-ва «Знание» России, 1993. С. 6.

⁴⁴ См., в частности: Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009.

⁴⁵ Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Понимание. Знание. Умение. 2017. № 4. С. 145-156.

⁴⁶ См., в частности: Шевырев С.П. История русской словесности. Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. Ч. 1. М.: Тип. Бахметева, 1859; Аксаков К.С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 1-67; Майков Л.Н. О былинах Владимиров цикла: Исследование на степень магистра русской словесности. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1863. С. 34-35; Миллер О.Ф. Илья Муромец и богатырство киевское: Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб.: Тип. Н.Н. Михайлова, 1869; Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М.: Институт русской цивилизации, 2015; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х тт. М.: Современный писатель, 1995; Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989; Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1-2. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1861; Халанский М.Г. Великорусские былины киевского цикла. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015; Жданов И.Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. Ч. I-V. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1895; Кирпичников А.И. Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса: поэмы ломбардского цикла. М.: URSS, 2016; Соколов Б.М. Русский фольклор. Вып. 2 – Сказки. М.: Цизло, 1930; Соколов Б.М. Русский фольклор. Вып. 1 – Былины. М.: Цизло, 1931; Габель М.О. К вопросу о технике русского былевого эпоса: формы былинного действия // Наукові записки Науково-дослідчої кафедри історії європейської культури. II: Історія і література. [Харьків], 1927. С. 49-63; Габель М.О. Форма диалога в былине // Наукові записки науково-дослідчої кафедри історії української культури. № 6: Присвячується керівникові кафедри акад. Д.І. Багалієві з нагоди 50-річчя його наукової діяльності. [Харьків], 1927. С. 315-328; Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958; Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Roman Jakobson. Selected Writings / Slavic Epic Studies. Vol. IV. Hague, Paris: Mouton & Co, 1966; Андреев Н.П. Былины: [Вступительная статья] // Былины: Русский героический эпос. Л.: Совет. писатель, 1938. С. 5-36; Чичеров В.И. Русское народное творчество. М.: Совет. писатель, 1959; Левинтон Г.А. К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 162-169; Померанцева Э.В. Народные верования и устное народное поэтическое творчество // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 158-168; Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967; Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л.: Наука, 1974; Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974; Смолицкий В.Г. Былина о Дунае // Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Наука, 1965. С. 109-131; Смолицкий В.Г. Цикл былин об Илье Муромце // Образный мир традиционной культуры. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 10-23; Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М.: Высш. шк., 1962; Мирзоев В.Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1978.

труды А.Н. Пыпина, А.М. Лободы, А.П. Скафтымова, Ю.М. Соколова, В.Я. Проппа, М.К. Азадовского, А.М. Астаховой, И.И. Земцовского и некоторых других этнографов, фольклористов и литературоведов⁴⁷.

В области философии культуры диссертант опирается на исследования С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Ю.Ю. Булычева, Б.П. Вышеславцева, Г.Д. Гачева, К.Г. Исупова, А.Л. Казина, А.А. Королькова, В.В. Кожина, В.А. Котельникова, И.В. Кондакова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.С. Непомнящего, А.М. Панченко, Г.М. Прохорова, В.Н. Сагатовского, В.А. Щученко, А.Н. Ужанкова⁴⁸.

С начала XIX века предпринимались попытки исследовать содержание и специфику отдельных ценностей русского героического эпоса: творческого дара игры на гусях, зодчества (С.Н. Глинка), силы как бремени (С.П. Шевырев, О.Ф. Миллер), любви-сострадания (С.П. Шевырев, Л.Н. Майков), молитвы (К.С. Аксаков, С.М. Боура), семейных ценностей и противостояния колдовству (К.С. Аксаков), славы (О.Ф. Миллер). Однако по мере того, как набирали силу

⁴⁷ См., в частности: Пыпин А.Н. История русской этнографии // Соч. А.Н. Пыпина. Т. 1-4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890-1892; Лобода А.М. Русский богатырский эпос: Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу. М.: URSS, 2016; Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. М.–Саратов: В.З. Яконов, 1924; Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1941; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958; Азадовский М.К. История русской фольклористики. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958-1963; Астахова А.М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.–Л.: Наука, 1966; Земцовский И.И. Искатели песен. Рассказы о собирателях народных песен в дореволюционной и советской России. Л.: Музыка, 1967; Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994; Морозов А.В. Историография русской фольклористики (1917-1941). Минск: Миринда, 1999; Букатина Ю.Е. Русская былина в культурно-историческом контексте: проблемы интерпретации в XX веке: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2005.

⁴⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997; Булычев Ю.Ю. Природа и история в русской культуре // Вестник РХГА. 2006. Т. 7. № 2; Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112-114; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия: Космос кочевника, земледельца и горца. М.: Ин-т Ди-Дик, 1999; Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб.: Издательство Высших гуманитарных курсов, 1992; Казин А.Л. Великая Россия. Религия. Культура. Политика. СПб.: Петрополис, 2007; Казин А.Л. Россия и мировая культура. СПб.: С.-Петербург. ун-т кино и телевидения, 2004; Кожин В.В. История Руси и русского слова: Современный взгляд. М.: Фирма «Чарли»: Моск. учебник-2000, 1997; Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159-172; Корольков А.А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005; Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб.: РХГИ, 1998; Котельников В.А. Православие в творчестве русских писателей XIX в. // Христианские чтения. 1994. № 9. С. 7-41; Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб.: Алетейя, 2001; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970; Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М.: [б.и.], 1977; Непомнящий В.С. Собрание трудов: в 5 т. Т. I. М.: Издательский центр МГИК, 2019; Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000; Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984; Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л.: Наука, 1987; Щученко Б.А. Вечное настоящее культуры. Теоретические проблемы историко-культурного процесса. СПб.: СПбГТУ, 2001; Щученко Б.А. Культурный синтез как проблема современной России // Культурный синтез России: Сборник статей. СПб.: СПбГАК, 1998; Ужанков А.Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011; Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XIII – первой трети XVIII века. Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009.

сначала мифологическая, а затем компаративистская и историческая школы, интерес ученых к ценностям национальной героической поэзии ослабевал. Начиная с 1860-х годов аксиологическая система русского былинного эпоса – рассматриваемая с точки зрения устойчивости и динамики ее элементов и отличающаяся в этом плане от памятников эпического творчества других народов (как и позднейшая рецепция ценностей русского эпоса в художественной и учебной литературе) – практически не удостоивалась внимания отечественных ученых.

Последователи В.Я. Проппа, основоположника сравнительно-типологического, структуралистского подхода к изучению былинного эпоса, например, были убеждены, что старины отнюдь не отражают целостное мировоззрение русского народа, свойственное ему в период их научной фиксации, то есть начиная с 1860-х годов. Так, Б.Н. Путилов утверждал, что гармонии ценностей, которая могла бы обеспечивать внутреннее единство эпоса, не существует: «неосторожно пытаться строить на фольклорной основе некую цельную народную философскую систему»⁴⁹. По мнению Б.Н. Путилова и других «ритуалистов», сторонников популярной сегодня инициационной теории, героический эпос содержит лишь фрагменты забытых архаических смыслов, связанных с языческой мифологией и реконструируемых при помощи системы бинарных оппозиций⁵⁰. Это преимущественно воспоминания о дохристианских обрядово-магических практиках (обрядов инициации, ритуальном самоубийстве вождя, обрядовом инцесте, «мужских домах» и т.п. – как об этом писали В.Я. Пропп, В.В. Чердынцев, Б.Н. Путилов, Н.Г. Черняева и другие исследователи).

По мнению «ритуалистов», «функциональную роль в составе обрядов» играли «эпические песни как архаического, так и классического типа»⁵¹. Как полагал Б.Н. Путилов, «мы вправе в эпических мотивах искать отражение...

⁴⁹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 56.

⁵⁰ См., в частности: Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965.

⁵¹ Путилов Б.Н. Эпос и обряд // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 76-81.

реальной обрядовой практики»⁵². При этом сторонники такого подхода указывают на наблюдения фольклористов и этнографов, изучающих эпос примитивных сообществ, где эпические песни «используются» шаманами для обрядов препровождения душ умерших соплеменников в царство мертвых, для ублажения духов и испрашивания у них удачи на охоте, хорошего урожая и т.п.⁵³

Идея В.В. Иванова и В.Н. Топорова о том, что в смысловой глубине русского эпоса прослеживаются сюжеты «основного мифа» (отражающего ритуалы, связанные с культом языческого бога-громовержца) по сути уничтожает саму возможность исследовать былины в аксиологическом ключе. Подразумевается, что собственный смысл русских героических песен (в том виде, в котором они дошли до нас, будучи записанными преимущественно после 1859 года) является «наносным», «испорченным», при этом действия их героев не мотивированы ценностями, имманентными сознанию эпического певца, но лишь иллюстрируют «протокол» тех или иных древних ритуалов⁵⁴.

Представители исторической школы (до октябрьского переворота – поздний Ф.И. Буслаев, В.Ф. Миллер, а в советскую эпоху – И.А. Никифоров, В.П. Аникин, С.Н. Азбелев и др.) также полагали, что в былинах отнюдь не отражена единая система ценностей русского народа. По их мнению, концептосфера былинного эпоса представляет собой специфический «конгломерат» разновременных ценностей и понятий, противоречивых и потому транслируемых эпическим певцом механически, без осознания общего смысла исполняемой песни.

Показательно, что Ф.И. Буслаев называл русский эпос «сетью противоречий, несообразностей и анахронизмов, облеченной в поэтические

⁵² Путилов Б.Н. Эпос и обряд // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 79.

⁵³ См., напр.: Stanyukovich M.V. Epic as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans: Ritual Implications of Hudhud Among the Yattuka and Tuwali Ifugao // Songs of Memory in Islands of Southeast Asia. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. Pp. 167-204. О ритуально-магической функции других жанров фольклора см., в частности: Зеленин Д.К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882-1932: Сборник статей. Л.: Изд. и тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1934. С. 216; Путилов Б.Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика. М.: Восточная литература, 1997; Неклюдов С.Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: Звук. Слово. Образ. М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2003. С. 108-119.

⁵⁴ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. С. 106-107.

образы»⁵⁵, а крупнейший представитель дореволюционной исторической школы В.Ф. Миллер подчеркивал, что исторические сюжеты, лежавшие в основе былин, «многократно переделывались» и потому их изначальный смысл утрачен⁵⁶.

Тем не менее представители советской исторической школы признавали, что в былинной традиции «выражаются эстетические вкусы, нормы, понятия, представления, нравственно-этические убеждения народа»⁵⁷. Однако, по их мнению, это были не взаимосвязанные понятия, представления и убеждения, но отдельные концепты, в разной степени искаженные позднейшими наслоениями и противоречащие друг другу. По сути, исследователи отказывали каждой конкретной былине в праве на связный идейно-художественный смысл (она представлялась раздробленной на разновременные мотивы), а всему корпусу былин – в праве на ценностную и смысловую связность. Противоречия в мотивациях богатырей, которые действительно характерны для русских героических песен, ученые объясняли не динамикой их внутреннего мира (в частности, сменой аксиологических доминант поведения), но – хаотичным наслоением «нравственных черт различных эпох»⁵⁸. Как полагал С.Н. Азбелев, «почти во всякой былине, до нас дошедшей, заключена не только идея, доминировавшая при ее сложении (или при последней ее идейной переработке), но и “рудименты” того, что присутствовало в былинах, ей предшествовавших и при ее сложении использованных»⁵⁹.

При том, что с обеих описанных выше точек зрения изучение ценностей русского героического эпоса как взаимосвязанного единства представлялась задачей бесперспективной, исследования конкретных элементов аксиосферы былин, тем не менее, оказывались плодотворными в тех случаях, когда ученые пользовались инструментарием философии культуры, философской антропологии. Зарубежные исследователи обратили внимание на отдельные

⁵⁵ Булаев Ф.И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб.: Имп. Акад. наук, 1887. С. 127.

⁵⁶ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. I. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1897. С. 351-352.

⁵⁷ Аникин В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. С. 21.

⁵⁸ Поливанов Л.И. Русские народные былины. Тексты, объяснительные статьи и примечания. М.: Типография Е.Г. Потапова, 1888. С. 24.

⁵⁹ Азбелев С.Н. После дискуссии об историзме былин // Русская литература. 1997. № 4. С. 210.

ценности русских эпических песен – такие, как свобода и служение (Р. Траутманн), религиозность, личная честь и отказ от нее (С.М. Боура). Из отечественных ученых прошлого века Д.М. Балашов первым указал на ценность человеческой личности в былинах и особый характер богатырской силы, А.М. Панченко исследовал характерное для русской культуры понимание смелости как морального права на победу, Ф.М. Селиванов – аксиологические категории дарения, богатырского «талана», и законной власти, а О.Р. Николаев и Б.Н. Тихомиров указали на близость ценностей богатырства и подвижничества.

Устойчивый интерес к былинам как источнику информации о ценностях предков и средству инкультурации этих ценностей в течение более чем двух столетий проявляли люди искусства⁶⁰. О ценностях былины писали теоретики литературы, литературоведы (акад. В.В. Виноградов, Р.О. Якобсон, В.В. Кожин, В.И. Калугин), этнографы (М.М. Громыко). Необходимость восприятия эпических ценностей детьми и молодежью остро ощущается ведущими отечественными мыслителями, деятелями культуры – а также теми, кто непосредственно решает задачи воспитания и образования: педагогами, наставниками, психологами, духовенством, многими родителями.

В области педагогических наук исследования практического опыта преподавания былин показывают, что эпос обеспечивает «основу нравственного и эстетического развития»⁶¹ личности, предлагает «ответ на вопросы о культурно-нравственных ценностях, идеалах, которые свойственны родному народу изначально»⁶². Уже в позапрошлом столетии ученые указывали на то, что образы и мотивы фольклорного эпоса «составляют... путь сознания эстетических и нравственных идеалов, путь, различный в каждом народе»⁶³; педагоги подчеркивали ценность «разгарчивого и неумчивого» богатырского сердца,

⁶⁰ См., например: Миронов А.С. Эпос русских: интерпретация. Культурфилософский анализ рецепции былин с конца XVIII столетия до 1917 года. М.: ЛЕНАНД, 2019.

⁶¹ Никитина Л.А. Изучение былин в школе в контексте ознакомления с народной культурой. Дисс. ... к.п.н. Самара, 2005. С. 6.

⁶² Душкина Н.В. Методика обучения младших школьников чтению былин. Дисс. ... к.п.н. М., 1996. С. 3.

⁶³ Мандельштам И.Э. «Садко-Вейнемейнен». Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 2. С. 336.

«способного возвысить героя до великого подвига»⁶⁴; в наши дни авторы исследований в области народной педагогики убеждены, что былины отражают представления о нравственном совершенстве и транслируют «социальные нормы, ценности»⁶⁵.

В России и за рубежом предпринимались культурфилософские исследования с целью описать моральные ценности эпического сознания (в том числе «категории эпического идеала»⁶⁶ и эпические же начала «нравственного порядка»⁶⁷) или раскрыть культурную функцию героической поэзии, которая виделась в том, чтобы придать «мировоззренческим координатам (эпоса – А.М.) статус абсолютных»⁶⁸. Заметное место занимает исследование отдельных ценностей русских былин в работах культурологов и культурных антропологов (Ю.И. Булычев, О.Р. Николаев, Б.Р. Тихомиров и др.)⁶⁹. Автор опирается на результаты изучения ценностных, культурно-смысловых доминант русского этнического самосознания, национального культурного кода, полученные учеными волгоградской школы - Г.П.Кибасовой, И.А.Петровой, Н.Н.Седовой, И.К.Черемушниковой и др.⁷⁰, а также исследования перспектив использования

⁶⁴ Поливанов Л.И. Русские народные былины: Тексты, объяснительные статьи и примечания. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1888. С. IV-V.

⁶⁵ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Учебник. М.: Академия, 1999. С. 3.

⁶⁶ Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983. С. 97.

⁶⁷ Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1980. С. 112.

⁶⁸ Егорочкин М.В. Эпический текст как объект философско-культурологического анализа (онтология, модальности, культурные функции). Автореф. дисс. ... к.ф.н. Барнаул, 2008. С. 7.

⁶⁹ Николаев О.Р., Тихомиров Б.Н. Эпическое православие и русская культура (к постановке проблемы) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. С. 6.

⁷⁰ Кибасова Г.П., Петрова И.А., Савицкая О.Н. Идеиные доминанты русской культуры XIV-XVI вв. / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 167-173; Кибасова Г.П. Этническое и социальное в русской истории: у истоков формирования русского этноса // АНТРО: Анналы научной теории развития общества. – Вып. 3/ Перм. Гос. тех. Ун-т. – Пермь, 2007. С. 24-33; Кибасова Г.П. Детерминанты русского этнического самосознания // Методология и методы исторической психологии: Материалы XXVI Междунар. Науч. конф. Санкт-Петербург, 14-15 декабря 2009/ Под ред. Д-ра ист. Наук, проф. С.Н. Полторака, СПб.: Нестор, 2009, 188с. – С. 172-175; Петрова И.П., Седова Н.Н. Этносоциальная темпоральность России: постановка проблемы. Вестник Российского философского общества. 2000. №2. С.78-100; Седова Н.Н. Этническое и социальное в мировоззрении личности. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 1991; Черемушникова И.К. Сохранение национально-культурного кода как проблема гуманитарного знания // Мат. VII Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград, 28-29 марта 2019 г. – С. 405-410; Черемушникова И.К., Петров А.В. Культурно-смысловые доминанты как коммуникация в историческом пространстве и времени // Философия социальных коммуникаций, 2014, №1(26), с. 18-24.

художественных текстов для реконструкции аксиосферы культуры (В.И. Карасик, И.К. Черемушникова⁷¹).

Таким образом, начиная с середины XIX века исследователи былин, пытаясь выявить сущность героического эпоса, вводят такие понятия, как «народный идеал», «народный характер», «одинаковый взгляд на мир», «мировоззрение», и впоследствии – «менталитет», «ценностное поле» культуры, «сумма представлений о мире», «аксиологически ориентированная картина мира», «эпическая картина мира». Этнографы, антропологи, фольклористы, филологи, изучающие язык и семиотику фольклора, а также историки, использующие в своих работах фольклорный материал, все чаще прибегают к исследованию ценностей традиционной культуры. Однако исследовательский опыт, накопленный представителями различных научных направлений, содержит лишь элементы аксиологического анализа традиционных эпических текстов и как следствие не может претендовать на полноту, целостность и выявление системного единства ценностей русского эпического сознания.

Источниковую базу исследования составили былины из собраний Кирши Данилова, И.В. Киреевского, С.И. Гуляева, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, А.В. Маркова, А.Д. Григорьева, П.С. Ефименко, Б.М. Соколова и Ю.М. Соколова, А.М. Астаховой и некоторых других.

Объектом исследования является устный героический эпос русского народа.

Предмет исследования – аксиосфера русского эпического сознания, реконструируемая в связи с ценностными выбором былинных героев.

Цель исследования – выявить содержание, иерархию и конкуренцию проявленных в эпосе традиционных ценностей, составляющих основу культурно-цивилизационной идентичности русских.

Поставленная цель решается путем следующих **задач**:

⁷¹ Карасик В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей. Язык и культура. 2019. № 47. С. 59-75; Черёмушникова И. К. Художественные тексты как источники изучения культурных феноменов//Вестник Воронежского университета –Серия: Философия. 2014.№ 1 (11). С.37-45.

- выяснение эвристических возможностей комплексного аксиологического анализа в качестве инструментария философии культуры;
- анализ особенностей культурфилософской рецепции ценностей русского эпоса в отечественном научном дискурсе;
- воссоздание ценностного выбора героя через взаимодействие аксиологических доминант, мотивирующих героя, понятых в свете их предельного или инструментального характера (М.Рокич);
- изучение характера и способа изменения относительного «курса» конкурирующих аксиологических доминант «слава» и «честь» в ценностных центрах (М.М. Бахтин) эпического героя и слушателя через призму консеквенциализма (в свете последствий поступка героя);
- уточнение того, как изменяется позиция мотивировавших эпического героя инструментальных ценностей-средств «сила, талант, богатырский дар» и «сердце богатырское» в ценностном центре слушателя в связи с его оценкой последствий ценностного выбора, сделанного героем;
- сравнение парных ценностей, образующих альтернативные - девальвируемую и утверждаемую - ценностные иерархии в русском эпосе, с содержанием и иерархией аналогичных ценностей эпосов других народов мира,
- обнаружение в аксиосфере русского эпоса соотношения ценностей «ветхого» и «нового» человека в трактовке отцов восточной христианской церкви.

Теоретико-методологическая основа исследования. Ввиду того, что предмет настоящего исследования отличается полидисциплинарным характером, нами использовались труды отечественных и зарубежных ученых по философии культуры, антропологии культуры, эстетике и религиоведению. Методология и методы представленной работы определяются спецификой ее объекта. В диссертационном исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, восхождения от абстрактного к конкретному, а также специальный метод, существенный в данном случае – выявление и количественный анализ аксиологических доминант, характерных для ценностных

центров эпических героев во всех ситуациях ценностного же выбора, обнаруживаемых в корпусе известных науке былинных записей.

Базовыми для настоящего диссертационного исследования являются принципы историзма и системного подхода, а также научной объективности. В диссертации использованы сравнительно-сопоставительные приемы анализа в том виде, в каком методология компаративистики применяется в работах по истории культуры, в частности, при изучении былин.

При исследовании русского эпоса диссертант руководствуется фундаментальными положениями, разработанными в философской аксиологии и в аксиологии культуры, где, начиная с Аристотеля, присутствует разделение на высшие ценности и ценности-средства. Автор исходит из различия И. Кантом абсолютных и относительных ценностей; если первые связаны с объективными целями (т.е. личностью, существование которой «само по себе является целью, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью»⁷²), то вторые – с целями субъективными (существующими помимо личности).

Предложенная модель аксиологического анализа во многом опирается на методику М. Рокича, позволяющую описывать ценностные установки личности в их динамике. Вслед за американским исследователем автор диссертации делит ценности на «конечные», «высшие» (у М. Рокича – «терминальные», определяемые через конечную цель индивидуального поведения) и «инструментальные» (по М. Рокичу, связанные с тем, как именно действует человек)⁷³. Но представления американского ученого о «терминальных» и «инструментальных» ценностях уточняются в рамках авторского понимания аксиологического подхода. Если у М. Рокича «терминальные ценности» – это жизненные ориентиры социального или общечеловеческого порядка, то аксиосфера настоящей диссертационной работы предполагает не только предельные, но и «за-предельные», абсолютные ценности христианства.

Значимой для данного исследования также является философия

⁷² Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 269.

⁷³ Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. P. 5.

консеквенциализма, через призму которой автор рассматривает ценностный выбор эпического героя. Уже Платон в своем раннем диалоге «Протагор» (Protagoras, 353e) связывает оценку удовольствия или боли с перспективой наступления их последствий в будущем (в частности, обладая таким искусством оценки последствий [искусством измерения – *metretike techne*], душа обретает способность выбирать страдания в настоящем потому, что в будущем они приведут к удовольствию). В консеквенциалистских этических системах, с точки зрения автора, особенно важен принцип, согласно которому именно последствия поступка есть основание для суждения о его нравственной правильности, т.е. акцент ставится на этической значимости не мотива действия, но его результата.

Автор диссертации во многом учитывает идеи М.М. Бахтина, который сформулировал – применительно к персонажам художественной литературы – понятие «ценностного центра» как «смысловой и оценивающей позиции человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей его действительности»⁷⁴. Этот термин русского теоретика культуры использован в диссертации для того, чтобы исследовать и описывать сознание эпического героя.

Особо следует подчеркнуть, что при анализе былинного эпоса автор исходит из онтологической аксиологии Н.О. Лосского, который полагал, что освоение духовных ценностей есть важнейший этап становления человеческой личности⁷⁵. Автор опирается на идеи В.И. Карасика, исследовавшего ценностный план “языкового круга” личности и характер осмысления совести, сознания, испытания, норм поведения в русской лингвокультуре⁷⁶, а также В.С. Непомнящего, установившего, что особенностью «русской картины мира» является аксиологическая фокусировка на категории совести: согласно ученому, в

⁷⁴ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 56.

⁷⁵ Лосский Н.О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-Press, 1931.

⁷⁶ Карасик В.И. Языковой круг: личность, кон- цепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002; Карасик В.И. Осмысление испытания как ценности. / Русский язык за рубежом. 2019. №2 (273). С. 80-86; Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. №4. С. 35-49. Карасик В.И., Китанина Э.А. Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре. / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. №2. С. 67-82; Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира. / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. №4. С.35-49.

качестве ценностного основания национального мировоззрения выступает «сердце, реальность, причастная небу и небесной любви»⁷⁷.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) впервые памятники устного героического эпоса русского народа исследуются с помощью инструментария философии культуры и становятся объектом системного аксиологического анализа;

2) предложена методология ценностного исследования русского героического эпоса на основании существующего в философии и социальных науках (от Аристотеля к И. Канту и до М. Рокича) разделения ценностей на предельные и инструментальные, а также на допущении альтернативных (в т.ч. взаимоисключающих) ценностных доминант в былинной картине мира;

3) раскрыта история рецепции ценностей русского героического эпоса в отечественной научной мысли (с начала XIX до начала XXI столетия) в аспекте становления его системного аксиологического анализа;

4) доказана необоснованность преобладающей в науке (с 1860-х годов и до текущего момента) трактовки русского героического эпоса как «конгломерата» разновременных полуразрушенных смыслов, указывающих на противоречивые ценности, а также как своеобразного «набора» представлений, взглядов, фактов сознания и т.д., не связанных с ценностным выбором героя, его поступком и последствиями этого поступка;

5) в противоположность выявленным рецептивным шаблонам, исторически сложившихся в отечественной науке, предпринята реконструкция аксиосферы русского эпоса как детерминированной ценностным выбором его героев.

6) выявлены ценности, мотивирующие действующих лиц былинного эпоса; формирование системы ценностей русского эпоса проанализировано на методологической основе консеквенциализма, где трансформация аксиологических доминант, мотивирующих героя, определяется последствиями его поступков.

⁷⁷ Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира // Непомнящий В.С. Пушкин: Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Кн. 2. М.: Моск. учеб., 2001. С. 283.

7) исследован характер относительных изменений (девальвация/укрепление) «курса» конкурирующих аксиологических категорий «честь личная» - «честь другого», «слава личная» - «слава соборная» в ценностном центре слушателя былины с учетом наступления последствий поступка, совершенного протагонистом, и сформулированы принципы, определяющие устойчивую связь между характером предпочитаемой героем ценности и последствиями его поступка, мотивированного этой ценностью.

8) исследовано то, как в связи с наступлением последствий поступка, совершенного эпическим героем, девальвируются или укрепляются позиции в ценностном центре слушателя одноименные, но противоположные по своему содержанию инструментальные ценности-средства - «талан-участь» (как личное право и как бремя служения) и «сердце богатырское» - и сформулированы закономерности, определяющие устойчивую связь между характером предпочитаемой героем ценности и последствиями его поступка.

9) выявлены закономерности при изменении «курса» мотивирующих ценностей, свидетельствующие о том, что в русских былинах систематически подавляются ценности внехристианские, т.е. связываемые христианами мыслителями с мировоззрением «ветхого человека»; доказан христианский характер тех ценностей, которые систематически утверждаются в былинах. Внехристианским предельным ценностям в русском эпосе, в отличие от эпического сознания других народов, с необходимостью противостоят («запредельные») христианские ценностные доминанты.

Конкретизация научной новизны исследования отражается в **основных положениях, выносимых на защиту.**

1. Системный аксиологический анализ как инструментальный философии культуры, применяемый в отношении текстов традиционной культуры, позволяет выявить особенности культурно-цивилизационного кода, национального менталитета, характера народа.

2. Не применяя комплексный аксиологический анализ эпоса, исследователи былин оказывались не в состоянии перейти от описания отдельных

аксиологических концептов былины на уровень реконструкции русского эпического сознания как набора взаимосвязанных иерархически организованных ценностей, характерных для подавляющего множества былинных вариантов, независимо от специфики коммуникативной ситуации и особенностей личного творчества певцов.

3. Этапами комплексного аксиологического анализа являются выявление ценностей, мотивирующих былинных героев и описание изменения «курса» ценностей в ценностных центрах героя и слушателя через призму консеквенциализма.

4. В былинах (в том числе в записях, сделанных от одного сказителя) наименования предельных ценностей используются для обозначения весьма различных по своему содержанию аксиологических доминант ценностного центра героя. Так, «славой», «славашкой великой» именуется как личная слава героя, связанная с его именем (молва), так и общая (соборная) слава всего киевского богатырства, которая распространяется в мире и удерживает иноземных царей от вторжений на Русь. В русском эпосе «честь» - это не только личная честь героя (наследуемая, в том числе родовая, и добываемая), но и ценность, характеризующую некий «внешний» объект или принцип, который всем без исключения богатырям необходимо «держат в чести».

5. Инструментальная ценность богатырского дара – «талан», «удача», «сила» – в былинах ценится либо как возможность (и личное право) получить «в обмен» на него разнообразные блага (добычу, «почести», личную славу) либо как «бремя» бескорыстного служения – святыне («честным» объектам или установлениям) или страдающему человеку. «Сердце богатырское» в русском эпосе может обозначать взаимоисключающие в логическом плане понятия. Первую пару составляют, с одной стороны, свойство богатырского «заплывчивого» сердца «разгораться» желанием личной славы, преступать запреты, положенные «обычным» людям и мстить за бесславие, а с другой стороны – способность воспламеняться сострадательной любовью к ближнему. Вторую пару конкурирующих представлений образуют, во-первых, героический

гнев, вызванный личным бесчестьем (т.е. лишением ценного имущества и материально-знаковых благ) – или же страстное желание увеличить «рейтинг» личной чести за счет ценной добычи, – а во вторых, – героическая «ярость», вызванная поправлением чести защищаемых объектов и принципов (святынь, Божьих установлений на земле), ценность которых для героя превышает цену его собственной жизни.

6. Конкуренция альтернативных аксиологических доминант обеспечивается актом переоценки слушателем поступка героя через призму консеквенциализма с учетом следующей закономерности: поступки, ориентированные на личную славу, личную честь и связанные с ценностью богатырского дара как личного права на добычу (а также с аксиологической категорией героического гнева как реакции на «недостаток» личной славы и личной чести), в подавляющем большинстве случаев приводят к дурным для актора последствиям. Девальвируемая в былинах картина мира, основанная на аксиологической доминанте героического гнева и(ли) желания личной славы и чести, в главных своих элементах соответствует осуждаемому в христианстве мировоззрению «ветхого человека» с его ориентацией на ценность «самости» и связанных с ней пороков: гордости, тщеславия, чревоугодия, похоти, сребролюбия, гнева.

7. Поступки, ориентированные на соборную славу русского богатырства (как молву о подвигах сострадательной любви, совершаемых во славу Божию) и честь «внешних» объектов или установлений – иными словами, деяния, связанные с ценностью богатырского дара как бремени бескорыстного служения, а также героического гнева как реакции на причинение страдания другим людям и бесчестье в отношении святынь – неизменно приводят к благим для актора последствиям. Указанные аксиологические доминанты в развитой форме свойственны русскому эпическому сознанию; основанная на них картина мира совпадает с утверждаемым Отцами Церкви мировоззрением «нового человека», отвергающего ценности «самости», себялюбия.

8. Осознание слушателем законов конкуренции аксиологических доминант, выражающихся в устойчивой связи героического поступка с его последствием, в

ходе акта фольклорной коммуникации приводило к тому, что курс конкурирующих аксиологических доминант в ценностном центре самого слушателя изменялся при сохранении иерархии и даже наименований основных элементов ценностной картины мира.

9. На вершине иерархии девальвируемых ценностей находится предельные ценности – личная слава («бессмертная» молва) героя и его личная честь (наследуемое и добываемое мужество и материально-знаковые блага). На втором уровне иерархии – сила (необыкновенная физическая, колдовская или вообще любая способность, позволяющая достичь личной чести и личной славы, избежав при этом непосредственного «обмена» жизни героя на эти ценности); сила является главной из инструментальных ценностей-средств. Ценностью-средством следующего, служебного уровня является «сердце богатырское» с его способностью «разгораться» и в полной мере задействовать свои необыкновенные способности – как в волевом аспекте дерзновения, желания получить больше добычи и стяжать максимально возможную славу, так и в аспекте гнева при бесчестии (лишении ценного имущества) и бесславии.

10. Укрепляемые ценности былины, в свою очередь, образуют аналогичную иерархию, во главе которой находятся предельные ценности соборной славы (т.е. молвы о подвигах сострадательной любви, совершенных бескорыстно во славу Божию) и «общей» чести русских богатырей (а также материальных святынь и Божьих установлений). На уровне инструментальных ценностей главным является, как и в альтернативной иерархии, богатырский дар («талан», «судьба», в том числе проявляющийся в виде чудесной силы, смелости, «ума-догадки»), однако имеющий харизматическое происхождение и получаемый свыше в ответ на «работу» богатырского сердца – сострадание и благочестивую ярость. Богатырское сердце как «вместилище» воли и того праведного гнева, с помощью которого можно получить от Бога харизматическую силу, является, таким образом, ценностью-средством третьего уровня.

11. Низшие, недевальвируемые ценности-средства, общие для обеих альтернативных иерархий – это, выражаясь былинным языком, «рожденные» и

«учёные» способности, т.е. умения и навыки, которых самих по себе не достаточно для достижения целей, связанных с предельными ценностями славы и чести, однако в конкретных ситуациях обладание которыми может избавить героя от смерти; следовательно, эти ценности оказываются субъективно сопоставимыми с той «ценой», которую имеет жизнь героя.

12. Девальвируемая в ценностных центрах героя и слушателя иерархия ценностей в целом совпадает с той иерархией ценностей, которая в эпических произведениях большинства народов мира, напротив, утверждается и укрепляется как доминирующая.

13. Девальвируемые ценности русских былин соответствуют ценностям «ветхого человека» в трактовке Отцов Восточной Церкви; напротив, ценности укрепляемые соответствуют аксиологическим категориям «нового человека»; при этом предельные ценности русского эпического сознания («честные» объекты и установления, а также страдающий человек) обретают свое достоинство и значение лишь в связи с той «за-предельной» ценностью, которую не может вместить в себя художественная реальность эпоса, но вполне вмещает русское эпическое сознание; эта ценность есть Христос, указавший на необходимость любви к Богу и ближнему (Мф. 22:37-40).

14. В отличие от аксиологических доминант личной славы, личной чести, силы как личного права и героического гнева как реакции на недооценку героя аутентичными для русского эпического сознания являются ценности коллективной славы, чести как атрибута другого, силы как бремени служения, героического гнева как адекватной сострадательной и совестной реакции не на личное бесчестие, но на причинение страдания другому и на поругание святынь, традиционных ценностей и связанных с ними норм. Указанные аксиологические доминанты на протяжении веков обеспечивали эффективную трансмиссию ценностей и моделей поведения, их плодотворной инкультурации средствами традиционной культуры.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что полидисциплинарный подход к изучению ценностей русского эпоса, применение

различных исследовательских методик из области философии, эстетики, антропологии культуры, истории культуры, религиоведения позволили сформулировать и реализовать авторскую концепцию аксиологического анализа памятников традиционной культуры, а также научно обосновать взаимосвязанное единство ценностей русского былинного наследия и доказать существование эпического сознания русского народа, сходного в аксиологическом плане с христианским мировоззрением.

Практическая значимость работы. Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть применены при планировании государственной культурной политики, молодежной политики, их можно использовать для повышения эффективности мероприятий патриотического воспитания, в частности, посредством обеспечения инкультурации аутентичных аксиологических доминант, образующих ценностную основу культурно-цивилизационной идентичности.

Результаты работы позволяют оценивать адекватность культурной трансмиссии ценностей при подготовке музейных экспозиций и туристических маршрутов, игровых и анимационных фильмов, телевизионных сериалов, театральных пьес, при проведении театрализованных представлений и праздников, этнокультурных и других фестивалей.

На материалах диссертации разработаны спецкурсы по аксиологии русского героического эпоса и его рецепции в культуре, читаемые в Московском государственном институте культуры.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа была обсуждена на заседании кафедры культурологии Московского государственного института культуры и рекомендована к защите в диссертационном совете по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки). Материалы диссертации нашли отражение в двух монографиях: «Эпос русских: актуализация» (2020) и «Эпос русских: интерпретация. Культурфилософский анализ рецепции былин с конца XVIII столетия до 1917 года» (2019).

Основные теоретические положения диссертационного исследования и его

результаты представлены в 24 публикациях автора: 2 индивидуальных монографиях, 7 статьях в научных рецензируемых журналах, индексируемых в международной информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science Core Collection, одно из которых индексируется также в системе Scopus и 15 статьях, опубликованных в научных изданиях из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Результаты представленного исследования обсуждались в рамках более чем 10 международных и всероссийских, а также межрегиональных и региональных конференций, симпозиумов и семинаров, проведенных в 2016-2021 гг. в городах Москва (2016, 2020), Санкт-Петербург (2019, 2020), Севастополь (2017), Ярославль (2016), Каргополь (2016), Сургут (2016), Якутск (2016), Баня-Лука (Босния и Герцеговина, 2019), София (Болгария, 2016), Сан-Франциско (США, 2016), в частности на конференции «Русский былинный эпос в пространстве культуры: актуализация ценностного потенциала» в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва, 2019).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует пунктам паспорта научной специальности 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки): 2.3. Культурология (научное знание о культуре) и культурфилософия (философское знание о культуре); 2.18. Аксиологическая философия культуры; 2.27. Представление о культуре в Древней (киевской) Руси; 2.29. Идея единения Руси как культурная парадигма.

Структура работы обусловлена целью, последовательным решением поставленных задач и логикой раскрытия темы; представленное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и двух приложений, одно из которых содержит данные, характеризующие конкретные мотивации героев русского героического эпоса в их связи с теми или иными

ценностями; второе приложение содержит исследование былины о Волхе, которая является исключением из общих законов, определяющих связь между мотивацией былинного героя и последствиями его действий.

Объем диссертации – 415 страниц, из них: приложения – 75 страниц; список литературы насчитывает более 400 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во Введении дается обоснование темы исследования, его актуальности и научной новизны, сформулированы цели и задачи работы, уточняется терминологический аппарат и представлены положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Русский эпос как аксиологическая проблема» – ставится вопрос о степени изученности былин и правомерности их аксиологического анализа, о существующих в этой области теоретических и методологических принципах и наработках, а также рассматриваются с исторической точки зрения различные философские системы, выделяющие и описывающие те или иные ценностные категории.

Также в начале первой главы – посредством четырех нижеприведенных вопросов – конкретизируется проблема ценностной сущности русского героического эпоса:

1) существует ли русское эпическое сознание как единый для большинства сказителей набор иерархически организованных ценностей, характерных для подавляющего множества былинных вариантов, независимо от специфики коммуникативной ситуации и особенностей личного творчества певцов?

2) если картина мира русского эпического певца существует, то как она соотносится с ценностными ориентациями героев?

3) каковы элементы этой системы ценностей, ее характерные особенности?

4) в какой мере система ценностей эпического сознания имманентна действительному повседневному существованию носителей эпоса, как она соотносится с мировоззрением певцов?

В первом параграфе – «*Становление понятия “ценность” в философии и социально-гуманитарных науках*» – приводится исторический обзор философов-аксиологов и их предшественников, а также тех представителей социально-гуманитарных наук, которые исследовали функционирование ценностных категорий в человеческом сознании и культуре. Особое внимание уделяется Аристотелю, разделившему ценности на «конечные» или «высшие», более важные, чем сама жизнь (*το αριστον*), и «инструментальные» (*ενεργειαί*)⁷⁸, а также И. Канту, придерживающегося сопоставимого подхода: обсуждение морального субъекта у кенигсбергского философа сопряжено с теми ценностями, существование которых «само по себе является целью, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью»⁷⁹, тогда как относительные ценности связываются им с субъективными устремлениями индивида. Из гуманитарных исследователей XX века выделен М. Рокич, предложивший, на пересечении социологии и психологии, деление ценностей на «терминальные» и «инструментальные»⁸⁰.

Представленный в настоящем диссертационном исследовании аксиологический анализ русского эпического сознания, его предельных ценностных оснований в значительной степени опирается на достижения русской философской мысли, уточнявшей основы христианской аксиосферы в XIX-XX веках. Так, автор диссертации учитывает опыт «онтологической» аксиологии Н.О. Лосского с его представлением о Боге как абсолютной ценности, а из отечественных культурологов XX века особо выделяет М.М. Бахтина, использовавшего ценностный подход при анализе литературных произведений и предложившего актуальный терминологический аппарат (понятие «ценностного центра»).

Во втором параграфе – «*Русский эпос: особенности комплексного аксиологического анализа*» – утверждается наличие упорядоченной и последовательной аксиологической позиции в контексте того или иного

⁷⁸ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 54-55.

⁷⁹ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 269.

⁸⁰ Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. P. 5.

произведения художественной словесности и то, что исследование такой позиции может быть оправданным и продуктивным при делении ценностей персонажа на высшие и инструментальные и при следующих методологических установках:

1) ценность дана слушателю только с связи с актом «обмена» (предпочтения), совершаемого героем;

2) предельная ценность есть то и только то, на что герой соглашается «обменять» собственную жизнь;

2) инструментальная ценность есть начало, не превышающее для героя цену его собственной жизни, однако сопоставимое с ней.

В параграфе особенно отмечаются случаи успешного применения ценностного анализа к произведениям художественной словесности. Так, опыт аксиологического исследования пушкинского творчества, предпринятый В.С. Непомнящим⁸¹, свидетельствует о возможности выявить ценностную картину мира, характерную для конкретного автора, причем в динамике. По свидетельству ученого, ценностный подход есть вполне надежная «методология исследования духовного мира художника (да и личности вообще)»⁸². Более того, по мнению И.А. Есаулова, аксиологический подход к исследованию отечественной культуры есть условие правомерного изучения русской классической литературы как таковой; с точки зрения ученого, именно ценности должны стать категориями нового филологического анализа⁸³.

Во второй главе – «Культурфилософская рецепция ценностей русского эпоса: исторический аспект» – критически рассматриваются научные работы, ставящие своей целью (эксплицитно или имплицитно) описать аксиологическую природу национальных героических песен.

В первом параграфе – «Рецепция ценностей русского эпоса в социокультурной мысли XVIII – XIX вв.» – рассматривается начальный этап изучения былинной аксиологии. В частности, отмечается сделанное

⁸¹ См.: Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001.

⁸² Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001. С. 26.

⁸³ См. в частности: Есаулов И.А. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // Литературоведческий журнал, 2007. № 21.

С.П. Шевыревым открытие духовной природы богатырской силы как дара свыше, противопоставляемого силе физической⁸⁴. С.П. Шевырев также впервые указал на любовь (сострадание), возникающую в сердце былинного героя, как на необходимое условие получения им чудесной силы; этот же исследователь выявил особенность русского эпического концепта героической силы, понимаемой как «бремя»: такая сила требует бескорыстного применения (служения), что противоречит свойственному большинству мировых эпосов представлению о силе как о личном праве героя (на славу, добычу). Наконец, С.П. Шевырев сделал вывод о том, что в былинах подавлена ценность личной чести и ее восстановления (мести), что вновь решительно отличает русские героические песни от большинства эпических произведений как Востока, так и христианского Запада.

К.С. Аксаков в своей работе «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» развил мысль С.П. Шевырева о былинном понимании силы как бескорыстного служения, подтвердив это наблюдение ссылками на доступные ему записи национального эпического фольклора; он же указал на ценность семьи и христианской веры в старинах и впервые продемонстрировал, что колдовство в русском эпосе является негативной категорией, «антиценностью». Предположение С.П. Шевырева о ключевой роли сострадания в аксиологической парадигме русского эпического певца исследовал и подтвердил Л.Н. Майков в своей магистерской диссертации «О былинах Владимиров цикла».

А.Ф. Гильфердинг акцентировал тот факт, что былинные певцы в самых разных районах России удивительно верно выдерживают характеры эпических героев и выдвинул предположение о том, что этот феномен может объясняться не памятью сказителей, но их особым «чутьем»⁸⁵ богатырских характеров – указав, по сути, на возможность изучения каждого из этих характеров как неповторимого аксиологического комплекса.

⁸⁴ Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней. Ч. 1. Лекция IV. М: Унив. тип., 1840. С. 190.

⁸⁵ Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 397.

Духовно-нравственные критерии поступков русских эпических героев исследовал О.Ф. Миллер («Илья Муромец и богатырство киевское: Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса»). Этому ученому принадлежит открытие общей славы русских богатырей как ценности, которая в былинах противопоставляется личной славе-молве конкретного героя. Выдающийся педагог Л.И. Поливанов, активно использовавший тексты былин в своей работе с детьми, указал на двойственный характер эпической ценности «разгарчивого и неумчивого» богатырского сердца, которое способно не только «возвысить героя до великого подвига», но «порою увлечь и разрушительным порывом»⁸⁶.

Во втором параграфе – «Рецепция ценностей русского эпоса в социокультурной мысли 1920-1970 годов» – рассматривается следующий этап аксиологического изучения былин, отмеченный влиянием марксистской идеологии в начале и структуралистских и «неомифологических» концепций в конце, игнорирующих с нашей точки, непосредственную реальность художественного произведения, его внутренний строй и мотивно-семантическую организацию. В качестве одного из наиболее значимых авторов за это время отмечается немецкий русист Р. Траутман, который впервые указал на ценность свободы как на одну из ключевых особенностей русского эпического сознания (свобода героя возникает при условии его бескорыстного служения, когда богатырь не устанавливает отношений с властителем по традиционному для героического эпоса принципу «сила в обмен на почести»). Р. Траутман отметил при этом парадоксальное единство свободы и необходимости в мире русского эпоса, которое объясняется с его точки зрения тем, что герой может обрести силу только в том случае, если будет применять ее ради других людей⁸⁷. Позже С.М. Боура писал о подавлении в русских эпических песнях ценности личной славы и личной чести героя, о постоянной зависимости последнего от помощи свыше; эту особенность исследователь трактовал как предполагающую отрицание «героической

⁸⁶ Поливанов Л.И. Русские народные былины: Тексты, объяснительные статьи и примечания. М.: Типография Е.Г. Потапова, 1888. С. IV-V.

⁸⁷ См.: Соколов Б.М. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу // Художественный фольклор. 1926. Вып. I-V. С. 37.

концепции человека в качестве самодостаточного существа»⁸⁸, что, в частности, позволило ему охарактеризовать ценностную систему русского эпоса как в целом «религиозную»⁸⁹.

В третьем параграфе – «Рецепция ценностей русского эпоса в социокультурной мысли 1980-2000 гг.» – рассматривается заключительный этап аксиологического исследования национальных героических песен, знаменующий собой одновременно и усиление «неомифологических», «ритуалистских» концепций, и первые – после XIX века – попытки интерпретировать ценностное измерение былин в контексте православной традиции. В рамках настоящего параграфа особое внимание уделяется Ф.М. Селиванову, который выдвинул предположение о том, что внутренняя цельность, «глубинное духовно-нравственное единство» русского эпоса определяются «личностью и деятельностью Ильи Муромца»: ценности, мотивирующие этого героя, задают всю систему аксиологических координат былинного мира. Опираясь на наблюдения О.Ф. Миллера и Р. Траутмана, ученый исследовал особое содержание былинного концепта дарения: согласно Ф.М. Селиванову, бескорыстный дар противопоставляется в русском эпосе обмену дарами (т.е. одариванию князем своей дружины в обмен на верную службу), и это становится одним из ключевых «психологических конфликтов» былинного мира⁹⁰. Ф.М. Селиванов указал также на то немаловажное место, которое занимает в системе былинных ценностей институт законной власти как один из объектов защиты⁹¹.

А.М. Панченко, исследуя национальную историческую память в своей книге «Русская культура в канун петровских реформ», выявил необходимое условие для того, чтобы крупная военная победа была осмыслена в качестве общенародного символа славной победы как таковой: русские должны иметь моральное право на военный триумф, и только в этом случае последний становится «нравственной заслугой». С нашей точки зрения, это наблюдение в полной мере применимо в

⁸⁸ Bowra С.М. Heroic Poetry. London: Macmillan, 1952. P. 24.

⁸⁹ Bowra С.М. Heroic Poetry. London: Macmillan, 1952. P. 24.

⁹⁰ Селиванов Ф.М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М.: Кругъ, 2009. С. 81.

⁹¹ Селиванов Ф.М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М.: Кругъ, 2009. С. 135.

отношении русского эпоса, ценностная система которого включает представление о героической смелости: богатырь движим ей только тогда, когда он имеет моральное право на победу.

Важным результатом предметного аксиологического анализа былин, предпринятого О.Р. Николаевым и Б.Н. Тихомировым, стал вывод о том, что для русского эпического сознания характерно «понимание богатырского служения как своего рода героического подвижничества»⁹². По мнению исследователей, представление о богатырской силе как о бремени является ключевым элементом былинного мировоззрения, которое предлагается считать «эпическим православием»: «комплексом христианских представлений, связанных с эпическим конфликтом» и обладающих «высоким ценностным статусом в контексте национальной духовности»⁹³.

В третьей главе – «Ценностная мотивация эпического героя» – рассматриваются те ключевые понятия былинного мира, которые побуждают протагонистов к совершению значимых с сюжетной точки зрения действий.

В первом параграфе – «“Честь” (“почести”, “чешь”, “цесь”)» – интерпретируются случаи употребления названного понятия в былинах и делаются выводы о его природе и семантическом наполнении. Отмечается, что словами «честь», «почести», «чешь», «цесь» певцы называют как личную честь героя (наследуемую, в том числе родовую, и добываемую), так и ценность, характеризующую некий «внешний» объект, который герою необходимо «держать в чести». Эти концепты противоположны по своему содержанию: прибавление личной чести предполагает добывание ценного имущества за счет другого, независимо от того, обладает ли другой честью в силу своего статуса (родитель, крестный родитель, девица, «честная» вдова, «сирота маломононная», законный властитель, законный супруг, побратим, представитель русского богатырства и др.), тогда как защита «честных» объектов подразумевает

⁹² Николаев О.Р., Тихомиров Б.Н. Эпическое православие и русская культура (к постановке проблемы) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. С. 12.

⁹³ Николаев О.Р., Тихомиров Б.Н. Эпическое православие и русская культура (к постановке проблемы) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. С. 6.

бескорыстный акт и возможность добровольного «обмена» жизни героя на ценность защищаемой им святыни.

Во втором параграфе – «*“Слава великая”, “славушка”*» – анализируется понятие славы в былинах. Указывается, что «славой», «славушкой великой» называется как личная слава героя, связанная с его именем (молва), так и общая (соборная) слава всего богатырства, которая распространяется по свету и удерживает иноземных царей от попыток вторжения на Русь. Эти концепты не просто различны по содержанию, но прямо противоположны: как мы уже отмечали выше, распространению соборной славы о богатырях способствуют лишь бескорыстные подвиги, предпринятые ради страдающего человека, т.е. во славу Божию (так как витязь, совершающий свои подвиги ради личной чести и славы, может быть привлечен другим – иноземным – правителем, по сути «куплен» им)

В третьем параграфе – «*“Удача” (“талан-участь”, “счастье”)*» – рассматривается инструментальная ценность, позволяющая достичь славы или чести, т.е. богатырский дар («талан-участь»). У большинства героев это физическая сила, но также ценятся «ум-смётка», «ум-догадка», «молитва доходная», «неупадчивость», чудесная игра на гусях, «краса-баса» и др. При этом одни и те же слова – «талан», «удача», «сила» – обозначают в былинах противоположные по содержанию концепты: богатырский дар ценится либо как возможность (и личное право) получить «в обмен» на него разнообразные блага (добычу, «почести», личную славу) либо как «бремя» бескорыстного служения – святыне («честным» объектам) или страдающему человеку.

В четвертом параграфе – «*“Сердце богатырское” (“серце богатырское”, “обида”, “запльвчиво сердце”, “зависть”, “великая досада”, “ярость”, “жалость”, “любовь”)*» – анализируется былинный концепт сердца, понимаемого как способность к глубокому и внезапному эмоциональному переживанию. Для того, чтобы «мобилизовать» свой богатырский дар и применить свою силу в полной мере (превышающей меру обычного человека) герою русских былин необходимо, чтобы его сердце «разгорелось». Таким

образом, если богатырский талант является инструментальной ценностью («энергией») первого и наивысшего уровня, позволяющей достичь предельной, конечной ценности (славы или чести), то «богатырское сердце» есть «энергия» второго уровня, ориентированная на обладание инструментальной ценностью более высокого ранга – силой или другим «таланом».

Одно и то же словосочетание «сердце богатырское» в былинах обозначает принципиально различные по своему содержанию аксиологические концепты, образующие две пары взаимоисключающих в логическом плане понятий («сердце» как источник эгоистической или альтруистической страсти; праведного или «себялюбивого» гнева).. Названные аксиологические концепты-дуплеты конкурируют друг с другом в ценностном центре былинного героя, определяя сложную и протирочевую динамику его внутреннего мира.

В четвертой главе – «Динамика аксиологических доминант» – ретроспективно (т.е. с точки зрения последствий уже совершенных поступков) рассматриваются те или иные мотивирующие ценности, что позволяет установить, как изменяется их «курс» в рамках эпического мотива.

В первом параграфе – «Честь личная и честь другого» – выявляется и описывается следующий закон: поступки, ориентированные на личную честь героя, приводят к дурным для него последствиям, тогда как действия, направленные на воздаяние чести другому, с необходимостью приводят к благим для протагониста последствиям. Девальвируемой ценностью является личная честь, укрепляемой же – ценность «честных» объектов.

Во втором параграфе – «Слава личная и слава соборная» – описывается следующая закономерность: поступки былинного героя, ориентированные на личную славу, приводят к дурным для него последствиям, тогда как действия, ориентированные на соборную славу русского богатырства, приводят к последствиям благим. Таким образом, ценность личной славы в сознании слушателя неизменно девальвируется, а ценность соборной славы – укрепляется.

В третьем параграфе – «Богатырский дар (“талан-участь”) как право и как бремя служения» – устанавливается, что ценность богатырского дара как

личного права на добычу и славу является девальвируемой: соответствующие действия акторов приводят к неблагоприятным для них последствиям; конкурирующий концепт богатырского таланта как бремени бескорыстного служения, напротив, относится к числу укрепляемых: поступки, вызванные таким пониманием природы и назначения богатырства, неизменно приводят к благим для актора последствиям.

В четвертом параграфе – «*“Сердце богатырское” как источник желания чести и славы (личной и общей)*» – указывается, что «разгарчивость» богатырского сердца желанием личной славы толкает героев былин на поступки, которые влекут за собой дурные для них последствия; благодаря этому становится возможным отнести рассматриваемую ценность к числу девальвируемых. Альтернативный концепт богатырского сердца как источника сострадательной любви, позволяющей совершать подвиги во славу Божию, последовательно укрепляется в былинах, так как соответствующие поступки акторов обеспечивают благие для них последствия.

В пятой главе – «Аксиологический анализ эпоса: сравнительный аспект» – ценности русских былин рассматриваются в связи с ценностями эпосов, созданных другими народами мира. Такое сопоставление позволяет как уточнить аксиологический строй отечественной героической поэзии (с точки зрения иерархии и семантики), так и акцентировать самобытность и оригинальность ее ценностных категорий.

В первом параграфе – «*Ценности русского и мирового эпоса: сравнительный анализ*» – общеэпические ценностные категории (как предельные: слава и честь, так и инструментальные: сила и «героический гнев») сопоставляются с аналогичными ценностными категориями русских былин. Как следует из многочисленных примеров (от «Эпоса о Гильгамеше» до гораздо более поздних памятников), ценностный центр обобщенного эпического героя ориентирован на категорию личной славы, которая мыслится в качестве начала, дарующего бессмертие или же «гарантирующего» еще при жизни посмертное блаженство. Исключением являются эпосы православных народов – греческого,

сербского и русского – для которых характерно подавление этой ценностной категории. Уникальной особенностью же русского эпоса является наличие развитого концепта коллективной славы национального богатырства как инструмента по сдерживанию внешних нашествий.

Аналогичным образом и другие ценностные категории (а также иерархические отношения между ними), характерные для русских былин, оказываются нетипичными для мировой эпической парадигмы, за исключением частичных аналогий с героической поэзией некоторых православных народов. Так, честь в подавляющем большинстве эпических памятников мыслится как честь имущественная, а героический гнев и сила понимаются как начала, служащие исключительно персональным интересам героя и умножающие его личные права.

Во втором параграфе – «Аксиологические доминанты “ветхого человека” и христианские ценности в русском эпосе» – утверждается, что девальвируемая в былинах картина мира в главных своих элементах (личная честь и личная слава, «сердце богатырское» как способность испытывать «героический гнев» и богатырский дар как личное право на богатство и социальный статус) соответствует осуждаемому в христианстве мировоззрению «ветхого человека» с его акцентом на эгоистических страстях и гипертрофией личного начала как такового.

Напротив, картина мира, которая основана на почитании «внешних» по отношению к персонажу реалий (материальных святынь и установленных Богом социальных институтов) – а также на аксиологических категориях коллективной славы, бескорыстного служения и гнева о несправедливости и беззаконии – совпадает с утверждаемым Отцами Церкви мировоззрением «нового человека» с характерным для него отвержением самости, себялюбия.

Более того, свойственное христианской мысли (прп. Иринея Лионский, Ориген, свт. Григорий Нисский) представление о трехчастном устройении «совершенного» человеческого естества («плоть – душа – дух») находит свое прямое соответствие в русских былинах, положительные персонажи которых

характеризуются *духовными* способностями, *душевыми* силами и *телесными* умениями. Подобные закономерности позволяют обоснованно говорить о том, что русский былинный эпос предполагает христианскую аксиологию и в целом носит последовательно христианский характер, являясь, таким образом, совершенно уникальным феноменом в контексте мировой эпической поэзии.

В заключении подводятся основные итоги работы. Автор делает вывод о том, что на вопросы, поставленные в диссертации, можно дать утвердительные ответы:

русское эпическое сознание как единый для большинства сказителей набор иерархически организованных ценностей безусловно существует, эти ценности являются ценностями христианскими и, следовательно, могут быть расценены как имманентные действительному повседневному существованию носителей эпоса;

существует устойчивая связь между характером той или иной предпочитаемой героем былины ценности и последствиями совершенного этим героем поступка;

в былинах *систематически* подавляются аксиологические доминанты условно «внехристианские», что служит доказательством христианского характера ценностей, *систематически* утверждаемых в былинном эпосе;

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении ценностей героического эпоса русских и открывают значительные возможности для дальнейших научных изысканий, связанных как с привлечением новых методов (например, сравнительно-исторического), так и новых исследовательских форматов (предполагающих анализ других эпических жанров русского народного творчества, изучение которых может базироваться на методологии, предложенной автором настоящей диссертационной работы).

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ**Монографии**

1. Миронов, А.С. Эпос русских: актуализация: монография / А.С. Миронов. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2020. – 320 с.
2. Миронов, А.С. Эпос русских: интерпретация. Культурфилософский анализ рецепции былин с конца XVIII столетия до 1917 года: монография / А.С. Миронов. – М.: Ленанд, 2019. – 528 с. – Текст непосредственный.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования Web of Science Core Collection и Scopus

3. Mironov, A. S. On the Time in Russian Bylinas and Its Axiological Nature / A. S. Mironov. – The New Historical Bulletin. – 2020. – № 1 (63). – Pp. 71-89.
4. Миронов, А. С. Аксиология и символика мотивной системы в новгородских былинах / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 5. – С. 1519-1533.
5. Миронов, А. С. Politico-ideological Criteria for the Authenticity of Russian Heroic Epic in V.Y. Propp's Theory / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Новый филологический вестник. – 2018. – № 1 (44). – С. 16-27.
6. Миронов, А. С. Былинные богатыри – взгляд с запада: начальная рецепция русского эпоса в немецкой культуре / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Новый филологический вестник. – 2018. – № 4 (47). – С. 218-227.
7. Миронов, А. С. О попытке С. В. Козловского переосмыслить мотивации героев русского эпоса / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 189-191.
8. Миронов, А. С. Принципы выбора былин и их публикации в учебнике Л. И. Поливанова «русские народные былины» / А. С. Миронов. – Текст

непосредственный / Новый филологический вестник. – 2017. – № 3 (42). – С. 60-71.

9. Миронов, А. С. Русский былинный эпос как система ценностей (к постановке проблемы) / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Новый филологический вестник. – 2016. – № 3 (38). – С. 45-60.

Статьи в периодических рецензируемых изданиях из перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

10. Миронов А.С. Ценностная сущность русского героического эпоса: проблемы и перспективы исследования / А.С. Миронов. – Текст непосредственный / Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 3. С. 25-40.

11. Миронов А.С. Некоторые результаты аксиологического анализа русского героического эпоса / А.С. Миронов. – Текст непосредственный / Наследие веков. – 2021. - №3. С. 15-22.

12. Миронов А.С. Переосмысление общеэпической ценностной категории «героический гнев» в русских былинах: богатырская «ярость / обида» как христианский концепт / А.С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т.20. Филология. – С. 57-75.

13. Миронов, А. С. К вопросу о функциональной классификации былинных сюжетов / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник РГГУ. Серия: литературоведение, языкознание, культурология. – 2020. – №3. – С. 12-32.

14. Миронов, А. С. Аксиологический подход в былинноведении: ценностный анализ русского эпоса во второй половине XX века. Часть 1, 1950-1960 годы / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 1 (87). – С. 54-73.

15. Миронов, А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса во второй половине XX века. Часть 2, 1970-е годы – начало 1980-х годов / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 2 (88). – С. 48-70.

16. Миронов, А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса во второй половине XX века. Часть 3, 1980-е годы / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 3 (89). – С. 30-51.

17. Миронов, А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса в XIX веке / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 4 (84). – С. 47-59.

18. Миронов, А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса в первой половине XX века / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 6 (86). – С. 60-77.

19. Миронов, А. С. Либеральная интерпретация смыслов русского эпоса в российском эпосоведении, педагогике, искусстве / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Культура и образование. – 2018. – № 2 (29). – С. 15-28.

20. Миронов, А. С. Влияние стилизаций В. П. Авенариуса на рецепцию героического эпоса в русском образованном обществе рубежа XIX-XX веков. Статья первая. «Книга о киевских богатырях» / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4 (78). – С. 78-87.

21. Миронов, А. С. Влияние стилизаций В. П. Авенариуса на рецепцию героического эпоса в русском образованном обществе рубежа XIX-XX веков. Статья вторая. «Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии» / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник

московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 5 (79). – С. 10-19.

22. Миронов, А. С. Трансформация ценностной системы русского эпоса в опере-былине Н. А. Римского-Корсакова «Садко» / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 6 (80). – С. 10-18.

23. Миронов, А. С. Русские былины в отечественной педагогике XIX века: роль хрестоматий Ф. И. Буслаева / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Культура и образование. – 2017. – № 3 (26). – С. 5-11.

24. Миронов, А. С. Концепт силы в системе ценностей русской былины / А. С. Миронов. – Текст непосредственный / Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 2 (23). – С. 35-49.